

ЛЮБОВЬ ЧЕРЕЗ ВЕКА

От Екатерины Великой
до Гумилева и Есенина

 Любовные драмы

Адель Ивановна Алексеева Любовь через века. От Екатерины Великой до Гумилева и Есенина Серия «Любовные драмы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69172771

*А. И. Алексеева. Любовь через века. От Екатерины Великой до
Гумилева и Есенина: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2023
ISBN 978-5-4484-3966-7*

Аннотация

Настоящая любовь, любовь с первого взгляда, любовь на всю жизнь... В наше время нередко эти слова звучат весьма риторически. А между тем любовь – это великое и, пожалуй, самое необыкновенное чувство на свете. За любовь сражались, о любви спорили все философы мира, множество талантливых людей писали книги, сочиняли музыку, создавали картины, стихи... Кто-то считает, что любовь – это болезнь, она сводит человека с ума. Любовь дает нам необычайно многое и в то же время отнимает практически все.

В очередной книге серии читатель узнает о самых невероятных историях любви, случившихся в течение трех веков российской истории.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Часть I	8
Смена веков и смена царств	8
Царь-рыцарь и его Прекрасная Дама	16
Тайное венчание	36
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Адель Алексеева

Любовь через века. От Екатерины Великой до Гумилева и Есенина

© Алексеева А. И., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

* * *

Портрет ее, бывало,
В глазах моих стоит;
Сие любви начало
Мой дух уж не смутит;
Теперь же в кладовую
Снести его велел,
Чтоб эту мину злую
И в красках я не зрел.

И. Долгорукий

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной

Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

А. С. Пушкин

По правде говоря, райская история повторяется и до сих пор, бесчисленно: почти каждая любовь начинается раем.

* * *

Итак, любовь, как творчество, есть воплощение каждым из любящих в другом своего идеального образа. Любящий под влиянием другого как бы находит себя, и оба эти найденные, новые существа соединяются в единого человека: происходит как бы восстановление разделенного Адама.

М. М. Пришин

Часть I

Смена веков и смена царств

Вдоль Невы двигалась траурная процессия. Стояла лютая зима, белесая мгла, приправленная изморозью и сырým ветром с моря, давила на обитателей столицы, поникших от известия о нынешнем погребении Екатерины II. К тому же людям не давал покоя порядок похоронного движения: впереди – катафалк с трупом Петра III, за ним – катафалк с телом государыни Екатерины Алексеевны, далее – рыцарь в железных латах. Таково было распоряжение наследника Павла I.

Немецкая принцесса, ставшая русской императрицей, взлелеяла свою мечту: она стала не только просвещенной государыней, но и любимицей подданных. Если осуществляется замысел, достигается цель, то и кончина бывает легкой, мгновенной, как и случилось с Екатериной.

...Позади был 1796 год.

Молодая художница, аристократка Виже-Лебрен бежала от Великой французской революции, ища спасения в России. Едва появившись в Петербурге, она стала свидетельницей этого потрясающего похоронного шествия. Все увиденное она описала подробно в своих записках.

«...Шествие растянулось по правому берегу Невы. Множество лошадей в черных епанчах создавали мрачное впечатление.

Но что же впереди? Впереди медленно двигался катафалк с трупом Петра III, извлеченного из могилы.

Далее – катафалк с телом Екатерины II, гвардейцы, а замыкал шествие рыцарь в железных латах: руки, ноги, тело – все заковано в броне, голова – в шлеме. За ним – простые люди, кутавшиеся в теплые одежды. Мороз стоял жестокий. Медные трубы музыкантов примерзали к губам».

Павел, сын и наследник, раздраженный деятельным правлением матери, жаждал отомстить за смерть отца. Он мстил Екатерине и такими похоронами, что долго-долго еще о них судачили в Санкт-Петербурге. Одни ужасались, что наследник устроил такое шествие, другие одобряли процессию и восхищались мужественностью рыцаря, шагавшего в страшный мороз.

Шествие двигалось в сторону Петропавловского собора.

– Неужели правда в конце похоронного шествия возле собора рыцарь упал замертво – замерз? Какой ужас! – судачили в толпе.

– Правда или нет – не знаем, не ведаем, – отвечали другие, – но он дошел до могилы и рухнул.

Перезахоронение Петра III и похороны Екатерины II. Старинная гравюра

Так началось царствование Павла I и закончилась славная пора деятельности его матери. Что же, объяснение всему этому есть. Мать и сын испытывали друг к другу антипатию. Екатерина была умна и хитра, еще при жизни ее называли Великой. От своих многочисленных государственных дел, которые она начинала вести с 6 утра, императрица находила утешение в фаворитах, а сын – в фантазиях и мечтах. Она не любила масонов, он же увлекался масонской литературой. В его памяти громоздились не только истории о славных рыцарских временах, прекрасных дамах, о временах тамплиеров, но и легенды о масонах. Так, он любил читать рассказ «Перстень (масонская сказка)»:

«Жил-был господин Дубровин. Преисполнился он сочувствием к крестьянам и раздал им те доходы, которые у него были, отдал и землю. Однако тут пошли неурожаи один за одним. Небогатый дворянин продолжал делиться с крепостными своими жалкими доходами. Он даже занял денег у одного, а потом и у другого дельца. Миновал год, и заимодавцы потребовали возвратить долги. Что делать? Крестьяне не хотели и не могли ему помочь. Соседские помещики тоже, хотя он умолял их о помощи чуть ли не на коленях. Положение было безвыходное. Однако в уезде том жил еще один помещик, богатый, но очень странный. У него был прекрасный сад, огромный дом, он вел уединенный образ жизни, время свое проводил в отдалении, в глухом лесу, в хижине. Фамилия его была Опальский.

В соседстве были о нем разные толки и слухи. Многие приписывали уединенную жизнь его скупости. В самом деле Опальский не проживал и тридцатой части своего годового дохода, питался самою грубою пищею и пил одну воду. Но в то же время он вовсе не занимался хозяйством, никогда не являлся на деревенские работы, никогда не проверял своего управителя, к счастью, отменно честного человека. Другие довольно остроумно заключили, что, отличаясь образом жизни, он отличается и образом мыслей, и подозревали его дерзким философом, вольнодумным естествоиспытателем, тем более что, по слухам, не занимаясь лечением, он то и дело варил неведомые травы и корни, что в до-

ме его было два скелета и страшный желтый череп лежал на его столе. Мнению их противоречила его набожность. Опальский не пропускал ни одной церковной службы и молился с особенным благоговением. Некоторые люди, и в том числе Дубровин, думали, что какая-нибудь горестная утрата, а может быть, и угрызения совести были причиною странной жизни Опальского.

Словом, Дубровин, окончательно обедневший, наконец решился обратиться к этому человеку. В лесу обнаружил он хижину и постучал в дверь. Ему никто не ответил. Он снова постучал, вошел и, чтобы обратить на себя внимание, закашлял и пошаркал ногами – результат тот же.

Надо сказать, что на пальце его был перстень – не так давно сынишка нашел его где-то и отдал отцу. Перстень тот был массивный, из желтого камня, и в центре темно-медового украшения, внутри прозрачного янтаря навеки закаменела какая-то козявка. И вот этот-то перстень он снял и постучал им по креслу, в котором сидел господин. Он, увидев перстень, резко схватил его и мгновенно переменялся:

– Что это, откуда у вас? Не я ли обронил его в сих местах? – Он даже привстал с кресла и, вдруг сложив руки, поклонился. – Извольте, скажите, что вам надобно, и я все исполню!

Дубровин поведал про свои беды, как жалел крепостных, помогал им, а сам остался ни с чем.

– Сколько вам надобно? – склонив голову, спросил Опаль-

ский. – Десять тысяч довольно? – и, выдвинув ящик, достал пачку денег и протянул ее гостю.

Дубровин был обескуражен, однако совершенно счастлив. Мало того, богач еще задал вопрос:

– Есть у вас иные, срочные нужды?

Тот замялся и пробормотал что-то насчет мельницы: мол, хорошо бы иметь.

– Я понял. После воскресного дня я пришлю своих работников, и они построят вам мельницу. А теперь – прощайте! И благодарю вас за перстень! – он мне завещан, а те, кто завещал, это было триста лет назад, вам тоже низко кланяются. – И хозяин сложил все свои пальцы лодочкой».

Наш проситель слышал немало легенд и слухов о прежних хозяевах этих мест, о том, что тут бывали знаменитые масоны и розенкрейцеры Лопухины, поэтому решил: странный сей богач – волшебник, один из владельцев тайного знания и тайного богатства, он – один из двенадцати учеников Петра Первого, который был послан для добрых дел по северному российскому пути.

Портрет императора Павла I. Художник В. Л. Боровиковский

В таких мыслях Дубровин утвердился еще и потому, что через месяц, когда была построена мельница, таинственный философ исчез из тех мест...

Однажды Павел повстречался с монахом по имени Авель. Монах просидел в одиночестве много лет. Он уже поведал свои пророчества на много лет вперед: о 1812 годе, 1825-м и даже о событиях XX века – о революциях. Павлу же он предрек короткое царствование и насильственную смерть. Это так повлияло на царя, на его нервический нрав, что он стал торопиться и издавать указ за указом (подписал почти в два раза больше указов, чем Петр I за всю свою жизнь).

Царь-рыцарь и его Прекрасная Дама

Павел встретил юную княжну Анну Лопухину во время коронации в Звенигороде. Очарованный ею, он выделил большую часть земли Введенского для нее, и сразу же началось строительство дворца.

В одном из архивов обнаружилось несколько писем некой Василисы, дочери мелкопоместного дворянина Звенигородского уезда и горничной княжны, о событиях столь же значительных, сколь и таинственных.

«Апрель, 11-й день 1797 года

Дорогая тетушка, Марфа Михайловна! Обещала я писать про наше житье-бытье, особливо о происшествиях, — большая Вы до них охотница. Так вот, нынешней весной случилось в московской скучной жизни великое событие. Похоже это на то, как в ясный-ясный день налетает гроза и ударяет такая молния, что только Богу впору молиться! Расскажу по порядку.

Появился у нас в доме Степан Петрович, крестный мой. Помните Вы его, тетушка? Воевал с молодых лет с моим батюшкой, а теперь из Ярославля к нам пожаловал, ибо служит он при тамошнем губернаторе Петре Васильевиче, князе Лопухине.

Зимой 1797 года вся Москва была полна вестей о пред-

стоящей коронации Павла Петровича. Все только и говорили о коронационных торжествах и балах. Все наши дамы и барышни мечтали попасть туда, где будет весь цвет Петербурга и сам государь с семьей.

Однажды крестный со значением промолвил:

– А знаешь ли ты, что днями прибывает в Москву наследник на свою коронацию?

Тут я подскочила до его великого роста, закричала:

– Крестный, миленький, возьмите меня на ту коронацию, никогда не видела.

– Прибыл я сюда с князем Петром Васильевичем Лопухиным, – серьезно сказал крестный, – он непременно будет приглашен, авось и меня возьмет, а я тебя попрошу взять, Василиса Егоровна.

Коронация совершилась 5 апреля, в день Светлого Воскресения. На коронации нам не привелось быть, зато видела я государя.

В день приема ярославской делегации. Как меня причесывали и наряжали! Даже мачеха расцедрилась, подобрела. И сподобилась я увидеть представление такое, каких ни в церкви не видывала, ни в театре!

Новый государь Павел Петрович ростом не велик, телом не дороден, однако настоящий царь: и мантия, и корона, и сапоги со шпорами, и глаза имеет блестящие, карие. К нему приходили, кланялись господа, чиновники, а ярославский губернатор Петр Васильевич Лопухин встал на колени и по-

целовал руку государя. Сам Лопухин высок, статен, с орденами, лицо правильное, приятное, даже красивое, а взгляд умный. И семья его была рядом: супруга шустрая такая и две дочери.

Степан Петрович сказал мне на ухо: мол, это мачеха, вторая супруга князя, первая-то была красавица, да только рано почил, а эта – хваткая, сразу всех к рукам прибрала и мечтает только о том, чтобы жить в Петербурге.

Вся зала устремила взоры на тех девиц, ее дочерей, особенно на маленькую, черноглазую. Звали ее Анна, и глядела она на царя с покорностью и почетом. Глаза ее как омуты, что в глухих лесах бывают. А волосы... волны черные по плечам!

На сем прощаюсь с Вами, дорогая тетушка, и остаюсь любящая Вас
Василиса».

«Апрель, 19-й день 1797 года

Дорогая тетушка! Давно я не писала Вам. И все потому, что происшествия продолжаются. Вчерашний день оказались мы опять на коронационных торжествах, на балу.

На этот раз Степан Петрович представил меня сестрам Лопухиным, Анне и Екатерине. Когда заиграл менуэт, князь-отец протянул руку Анне и пригласил ее на танец. Ах, что это была за пара! Седой, благородный, рослый отец – истинный князь – и маленькая с черными локонами, непо-

движным мраморным лицом Анна!..

После того княжна села на кресло возле меня, и мы с ней имели разговор. Обе мы – сироты, у обеих мачехи, в Москве из девиц она никого не знает, и исполнились мы друг к другу дружеских чувств и тихо переговаривались до той самой минуты, пока не возгласили прибытие императора.

И тут!.. Заиграла музыка – и государь пригласил Анну. Он неотрывно на нее глядел, что-то говорил, видимо, желая добиться благосклонности, но лицо ее оставалось бесстрастным, а глаза, кажется, стали еще чернее. Не от страха ли? Потом Его Величество говорили с семейством Лопухина...

На другой день Степан Петрович поведал нам, что государь в восторге от Анны Петровны и желает подарить ей звенигородский участок земли. Более того, тут же подозвал человека из своей свиты и рекомендовал его как архитектора, способного создать чертеж усадебного дома на той земле, в селе Введенском. О, как обрадовалась я, услышав про Введенское! Ведь это по соседству с нашим именем!

Павел Петрович пребывал в великолепном настроении и принимал участие во всех намеченных в его честь торжествах. Был в итальянской опере, в Дворянском собрании, на народном гулянье, присутствовал на спектакле театральной труппы графа Николая Петровича Шереметева в Останкинском дворце. Там пела Прасковья Жемчугова, как

божественно! Павел Петрович подарил ей бриллиантовый перстень!..

Однако, тетушка, как же Анна! На одном из балов Павел Петрович снова танцевал с ней. Но что это был за танец?! Тот самый вальс, который он сам запретил по причине французских вольностей... Да только Аннушка велела оркестру играть его – и Его Величество танцевали и, говорят, не сводили с нее глаз!

Целую ручки.

Василиса».

«Август, 18-й день 1798 года

Желаю здравствовать Вам, дорогая тетушка! Стоит у нас во Введенском золотая пора: деревья как золотом облитые, а главное, что усадебный дом почти готов, парк обрел новый вид. Есть конюшенный двор, флигеля, водные приспособления.

Посажены новые березы, ели, сосны, тополя, и ото всех деревьев теперь золотой свет излучается. Все стройно, красиво, все одно к одному. Тут и простор, и воля, и порядок.

О! Если бы Вы видели, тетушка, какой простор и вид открывается на заречные дали! Река синее, небо без края, а вдали Савво-Сторожевский монастырь...

Нынче Львов-архитектор показывает здесь свой труд Лопухиным и про все (про водные строения: фонтаны, падение воды) объясняет.

Мачеха Аннушки трецала без умолку. Сам князь внимательно оглядывал дело рук мастеров и был молчалив. Высокий лоб даже пересекали морщины, а губы улыбались по-доброму, но сам он скорее грустен, чем весел. Отчего бы?

Аннушка стояла возле колонны, глядела вдаль. Хороша она. Довольна царским подарком, однако шумной радости не высказала. Зато Степан Петрович был весел:

– Вот истинный рыцарь! Видел я, как государь взял платочек кружевной у Анны Петровны, приложил к груди и прошептал что-то. Небось, готов, как рыцарь, носить его на шляпе...

Князь и Николай Львов отправились во внутренние покои, а мы с Анной пошли к ротонде.

– Жалко государя, – промолвила она.

– Должно, в Вашей красоте государь находит отраду? – спросила я.

– Говорит... будто излучаю я что-то... утешение, что ли, сердечное, легко ему со мной, а уж комплиментам нет счета... Целует край платья.

Слышала я, дорогая тетушка, что государь навещал Аннушку во Введенском. Выехал рано утром из Москвы в карете инкогнито под фамилией Павел Федотов. Но все, конечно, узнали императора. А как подъехал к Введенскому, пересел государь-рыцарь на белого коня и в черной полумаске поскакал ко дворцу по аллее, прорубленной Львовым среди вековых берез.

По приезде ко дворцу государя встречали с левой стороны церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы, а с правой стороны – великолепный конный двор, а посреди – круглая клумба с маргаритками, фиалками и васильками – любимыми цветами Анны Павловны.

Павел Петрович спешился, вбежал по мраморной лестнице и через анфиладу комнат в покои, где ждала его Аннушка. Василиса».

А. П. Лопухина. Художник В. Л. Боровиковский

«Январь, 18-й день 1799 года

Дорогая, любезнейшая моему сердцу тетушка! Знаете ли Вы, что уже три недели живу я в столице? Самой не верится, однако, как говорится, “вышел случай”. Государь призвал возлюбленную Аннушку, и она вызволила меня к себе – вот! Знали бы Вы, какой дворец для княжны приготовил государь! Рядом с Зимним, на Дворцовой набережной, в три этажа! Весь уставлен скульптурами, дорогой мебелью, бронзой, вазами, а картин сколько – не счесть.

Благодаря ей на Лопухиных посыпались царские милости. Анна и князь – оба уже награждены орденами Мальтийскими. Раньше только одна статс-дама, госпожа Лита, имела этот орден. Петр Васильевич получил еще один орден – Андрея Первозванного, но главное – он теперь не просто князь, а “светлейший”! В мгновение ока отец Анны сделался генерал-губернатором. Лопухины получили восемь тысяч крепостных с землей в разных губерниях. Государь подарил им участок земли на Каменном острове, где выросла нарядная дача.

Мачеха Анны была возведена в звание статс-дамы, высшее придворное звание. Сестры Аннушки тоже были хорошо пристроены. Екатерину выдали замуж за Николая Демидова из богатейшей семьи, а Прасковью – за сына графа Кутайсова, любимца императора.

Писала ли я Вам, тетушка, что императрица Мария Федоровна, еще когда все были в Москве, отписала Анне гневное

письмо, мол, не смей являться в Петербург! Про то узнал император, был взбешен – и с того дня заколотил дверь, ведущую в ее спальню...

Чуть не каждый вечер по Дворцовой набережной от Зимнего отправляется теперь пара лошадей, на запятках лакей в красном, и хотя карета закрытая, все знают: Павел едет к Лопухиной!

Свиданиям с Аннушкой государь придает почти мистическое значение.

Государь неизменно щедр и великодушен, держит себя как истинный рыцарь и прямо называет ее своей “дамой сердца”, а еще “божественное утешение”, “отрада души” и “благодать” – так переводится имя Анна.

Анна Петровна – брюнетка, любила малиновый цвет. Теперь он повсюду, даже придворные чины являются в малиновом.

Слово “благодать” стало девизом императора. Оно было начерчено на стандартах, которые получила конная гвардия в январе 1799 года.

Для государя, который был очень одинок, Аннушка становилась все более и более необходимой. Она действовала на него успокаивающе. Только не думай, тетюшка, что всем этим безмерно счастлива Анна. Ей что бриллиантовое кольцо, что букетик маргариток – едино. Царские приближенные с Анной любезны, ласковы, а что говорят за спиной, неизвестно. Попала она в золотую клетку к паукам, кото-

рые плетут золотую паутину, – не тошно ли?..

На сем прощаюсь, дорогая тетушка, и желаю покоя, ночей без худых снов (меня-то они чуть не всякую ночь терзают).

Василиса».

«Февраль, 2-й день 1880 года

Тетушка! Давно я Вам не писала, почти целый год – Санкт-Петербург такой город, что тут не до писем. События происходят чрезвычайные, и всякий день новости, всего не опишешь.

...Как-то мы разговорились с Аннушкой о наших личных делах. В тот же вечер Анна сама призналась:

– Василисушка, не сказывала я тебе, что знакома с Павлом Гагариным, встречались в Ярославле, нравлюсь ему... Даже слово дал, после того, как отслужит в армии, жениться... Да вот Бог не привел: коронация, Москва, император...

И, чуть не заливаясь слезами, поведала она мне, как прошлым летом сидели они с государем в Петергофе, а тут принесли конверт с сургучной печатью. То было донесение от Суворова. Он прочел вслух, что бои идут успешно и что в скором времени сюда прибудет с подробным донесением полковник Гагарин!..

– Услыхав эту фамилию, я не сдержала замешательства, и это заметил государь. “Объяснитесь”, – сказал он. Мне пришлось признаться, что молодой князь Гагарин мне

не чужой, мы встречались в Ярославле. Не знаю, сделал ли из сего казуса Павел Петрович вывод или в планы его и ранее входило выдать меня замуж... Только решил он поразить меня новым великодушным поступком. Сказал, что выйдет навстречу посланцу – князю Гагарину – офицеров и что мечтает устроить нашу свадьбу.

– Да сильно ли ты к нему расположена, Аннушка? – спросила я.

– Я расположена, однако страсти мне неведомы...

– Ну да Бог даст, все устроится.

Анна была в волнении, закашлялась, что-то в этом холодном городе часто стала она кашлять. Я ее успокоила... Мы почему-то вспоминали Шереметева и его театр: Петербург не Москва. Тут сырость, ветры, театр шереметевский надломился, а Жемчугова потеряла голос.

Ночью я думала: любит ли Аннушка государя? Любит ли Гагарина? И для чего так решил государь? Опять из рыцарских побуждений? Чтобы казаться образцовым? Иной раз мне кажется, будто живет он как в театре: играет для зрителей. И такую роль себе возьмет, что не знаешь, что и сказать. То брата молодого Гагарина болваном обзовет, то офицера за круглую шляпу велит избить розгами...

А вот еще какую штуку выкинул с молодым Гагариным! Вошел тот в кабинет императора, оставив шляпу в передней, а возвратившись назад, не обнаружил шляпы. Вернулся во второй раз – опять, там лежит чужая шляпа. Тут вы-

шел царь и засмеялся: «Это твоя шляпа, князь, возьми ее». После этого князь из полковника стал генерал-адъютантом.

П. Г. Гагарин. Неизвестный художник

Это был подарок князю к свадьбе с Аннушкой. Через несколько дней состоялась свадьба Анны Лопухиной с князем Павлом Гагариным. Сам император был посаженным отцом на их свадьбе. Щедрость его не знала границ. Анна получила от государя сто тысяч рублей деньгами, бриллианты и необыкновенное жемчужное ожерелье, стоимостью в десять тысяч рублей. Павел велел купить три дома на набережной Невы и соединить их в один дворец, который подарил князю Гагарину. Сам Павел Гаврилович был посвящен в командоры Мальтийского ордена, что являлось знаком высшего расположения. Был один Павел, теперь – два. Ой, что-то будет!

*Остаюсь любящей племянницей,
Ваша Василиса».*

«Декабрь, 21-й день 1800 года

Дорогая тетушка! Господи, что это за несчастье – быть красавицей! Пусть не бросит на меня амурного взгляда – все же это лучше, чем быть осаждаемой со всех сторон... Зачем государь выдал замуж свою фаворитку? Выказал себя сторонником платонической любви, любил порядок и хотел казаться безгрешным в глазах своих подданных? Но одно дело – намерения, иное – чувства...

Ваша В.».

«Март, 15-й день 1801 года

Тетушка! Государь ведет спешное строительство Михайловского замка... Что-то будет? Впереди осень, зима, дом должен сохнуть долго, а проект таков: к зиме туда переселиться...

– Верно ли, Анна Петровна, что замок будет выкрашен малиновой краской, под цвет Ваших перчаток? – спросил Львов.

Анна кивнула, довольная.

Первого февраля 1801 года состоялся переезд в Михайловский замок. Анна Петровна оставила дом своего мужа и была помещена в новом дворце под самым кабинетом государя. Вход к ней вел из покоев Павла Петровича через особую лестницу. Переход же, соединявший спальню императора с апартаментами его жены Марии Федоровны, был наглухо закрыт.

Анна не чувствовала себя здесь счастливой и спокойной. На каждом углу таилась тревога, было трудно дышать из-за непротохших стен. Она сильно кашляла.

Первое время она отлично справлялась с ролью укротительницы Павла Петровича, но потом... Ссоры становились чаще, она – нетерпеливее. Даже щедрые подарки – что они значили для красавицы. Ей было жалко маленького императора с таким некрасивым лицом, и она мирилась. Видно, ей не суждено испытать подлинную страсть: ни царь, ни муж Павел Гагарин не годились для этой роли. Спасибо,

что муж пренебрегал сплетнями света при дворе...

В.».

Жизни ему оставалось меньше месяца – близилось 1 марта. Знала ли Анна о заговоре? Вероятно, знала. Присутствовала на том последнем ужине? Вероятно, да.

Почти каждый вечер император заходил к своей возлюбленной, потому что она давала ему утешение, ему было необходимо ее «благодатное» присутствие. Что касается того страшного вечера 1 марта, то маловероятно, что он нашел время для общения с Анной. Гостей была тьма, дворец кишел. Был накрыт ужин не менее чем на двадцать персон. Но обстановка была нервическая. Все это почувствовал граф Николай Шереметев.

Ужин носил зловещий характер. Павел был бледен, устало поводил вокруг водянистыми глазами. Что-то торопливое, заячье было в поведении Константина и Александра, сыновей Павла, которые, впрочем, скоро удалились.

Император вдруг стал весел. Подошел к зеркалу и в присутствии генерала Кутузова сказал: «Посмотрите, какое смешное зеркало, я вижу себя в нем с шеей на стороне».

Во всем Михайловском замке оставалась влажность еще не просохшей краски, и вся обстановка того вечера была неприятна графу Шереметеву, и, как только настал момент, он, ссылаясь на нездоровье, удалился. У него была более важная забота – его сын-первенец и здоровье его Жемчужин-

ки.

Конечно, по приходе домой его ждали Пашенька и Татьяна Васильевна, и он успокоился, а зря... Не прошло и полчаса, как в ворота Фонтанного дома громко застучали. Явился посыльный – всадник на коне, склонился к графу и громким шепотом проговорил: «Его величество скончались от апоплексического удара».

Но почему той ночью, когда в опочивальню Павла Петровича ворвались эти офицеры-убийцы, он не попытался спрятаться в покоях Анны Петровны, воспользовавшись лестницей? Наверняка заговорщики ворвались в его комнату так внезапно, что ни о чем-либо подумать уже было невозможно. Но, как говорят психологи, когда на пути появляется тигр, человек не будет думать ни о чем другом, как только о том, как ему скрыться. Павел не стал спасаться?... Тайна сия есть, и никто ее не узнает...

После Павла императором стал внук Екатерины II – Александр I. Хотя долго будет он терзаться случившимся, однако он не преминул наказать всех близких к его отцу.

Какова дальнейшая судьба Анны? Анну Лопухину Александр распорядился отправить в Италию вместе с ее мужем. Спустя некоторое время на нее, которая никого по-настоящему еще не любила, вдруг обрушилась истинная страсть – князь Четвертинский. (Как это бывает с красивыми и холодными женщинами.) О ней и князе Четвертинском слагались легенды... Увы, не прошло и двух лет, как она скончалась во

время родов.

Так печально, с убийства, начался XIX век.

Убийство императора Павла I. Старинная гравюра

Царствование Павла I, как и предсказывал монах, было коротким, с мечтами и фантазиями, полным необдуманных прожектов, которые не могли осуществиться. Более 30 лет он ожидал вступления на трон, мечтал на этом поприще совершить много великих дел, а править ему довелось всего четыре года. Его мечтательность стала отчасти проявлением русского национального характера. Известно, что он, например, хотел вступить в союз с Наполеоном, которого только недавно ненавидел, и вместе с ним идти в поход на Индию. Или хотел перевезти в Россию римского папу. Но все его замыслы не сбылись. К сожалению, энергия и деятельность его утонули в многочисленных бюрократических мелочах, изобилии приказов. Что творилось при дворе Павла I, прекрасно описано у Юрия Тынянова, в повести «Подпоручик Киже», в последнее время много и подробно писал о царствовании императора Павла историк Владимир Мединский.

Тайное венчание

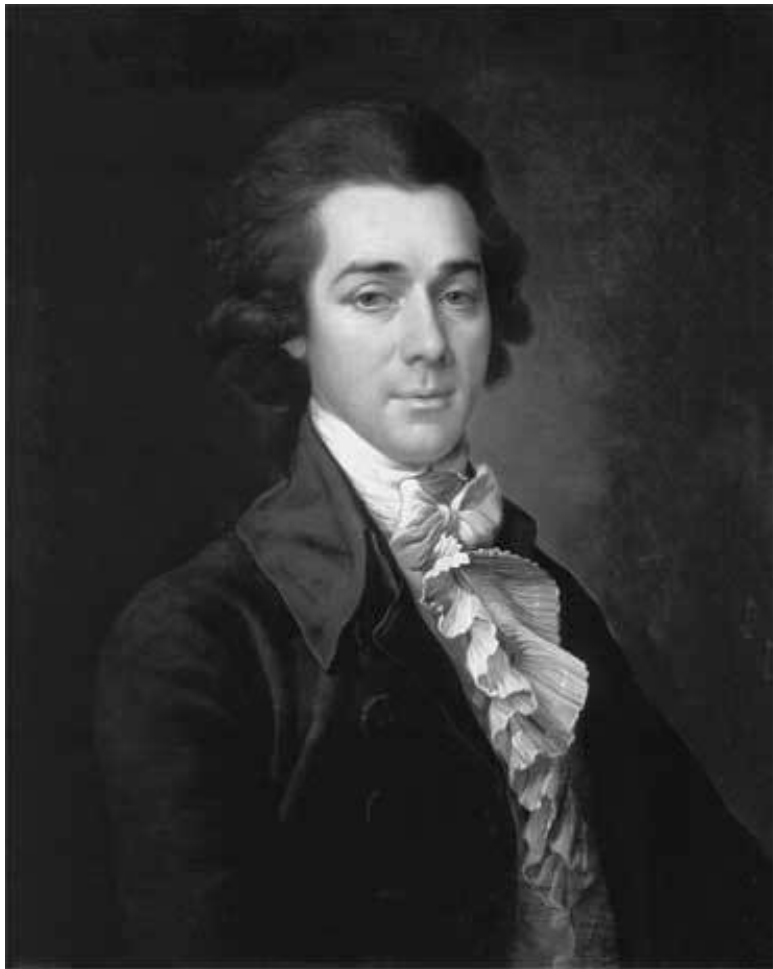
Такого не могло быть в то время, скажут историки. Без согласия родителей, без венчания? Возмутятся даже... В седьмом классе (во время войны) в поисках психологической поддержки я почему-то в альбоме «Исторические портреты» выделила два портрета, мужской и женский, и целый год перерисовывала на два листа и приколотла их на столе. Они простотой своей и гармонией укрепляли мой дух. Это были Мария Дьякова и Николай Львов. Сперва влюбленные, потом тайно обвенчанные, и навсегда ставшие мужем и женой. Они-то, тайно обвенчавшиеся, вступили в «гражданский брак».

Было это в 1780 году. Львов снял небольшую квартирку, и там они тайно встречались. Отец Машеньки был обер-прокурором и еще четыре года не позволял даже заговаривать об этом.

...Вообразим себе несколько картинок тех лет. Просторная гостиная в барском доме Соймонова, чиновника почтового ведомства. Зала для танцев, французские креслица и диваны, и множество свечей на столиках с зеленым покрытием. Этот человек, хозяин то есть, благоволил к небогатым молодым людям мелкопоместного дворянства. Они были не только светскими, но и всецело образованными, му-

зыкальными. Молодые люди собирались, устраивали репетиции, веселились. В числе их был обаятельный, остроумный, насмешливый Николай Львов, душа любой компании, неизменно танцевавший и гавоты, и менуэты с красавицей Марией Дьяковой, дочкой сенатора, Василий Капнист, писатель с сатирическими наклонностями, и Гаврила Романович Державин.

Как весело они играли в фанты! Очень изобретательно, славная компания разыгрывала спектакли, и Мария Дьякова поражала хозяина низким грудным голосом в опере «Самсон и Далила», другой вечер – в «Фигаро» звонким колокольчиком. Какая радость стареющему чиновнику!

Н. А. Львов. Художник Д. Г. Левицкий

Главное, что, пока молодые люди веселились, танцевали, загадывали загадки и собирались идти в ближайшую церковь на Галерной улице договариваться со священником о не вполне законном венчании, на противоположной стороне Невы, на Английской набережной, собралось другое, более старшее поколение, в том числе обер-прокурор со своей супругой, Куракин, Безбородко, секретарь Екатерины, Демидов и другие. Музыканты располагались на балконе, человека четыре, заиграли гавот, сочиненный «русским Моцартом» (так называли композитора Бортнянского). Неторопливая музыка, чинные движения, и сенатор, не подозревавший о том, что его дочь в это самое время вышла из-под его повиновения. Музыка Бортнянского действительно – то ли заимствована, то ли такое время было – напоминала музыку Моцарта. Но не того блистательного и яркого, которого мы представляем сейчас, а неторопливого, раздумчивого, даже печального. С российским акцентом.

Откуда возникают симпатия и антипатия к людям – никому не ведомо, и даже если богат твой словарный запас – не объяснить. Демидов был человек заковыристый; первую жену, сказывали, невзлюбил, чуть ли не в гроб вогнал, а о второй и не думал. Должно, сам не рад был своему диковатому нраву. Не оттого ли жил подолгу одиночкой? Правда, появлялась в его апартаментах миловидная женщина лет тридцати пяти, терпеливая и заботливая. Дети вздумали выказать недовольство сим обстоятельством – и что же? Про-

копий Акинфович отписал одну деревеньку с 30 крепостными душами на двух своих сыновей – и все! Назло!

Язык у него хоть и грубый, но богатый, а еще любил он бравировать происхождением своим: «Мы что, не князья, не графья! Мы кузнецовы дети! Мохнорылые мы!» Он мог квартального в меду и в пуху вывалить, мог оттузить секретаря какого и тут же штраф заплатить. Императрица называла его вралем московским, но прощала «благонамеренные подвиги», мирилась: миллионные деньги отпускал Демидов на городские нужды.

Никто не мог ему угодить. Чуть что – закричит: «Цыц! А не то раздавлю, как лягушек!» При этом он же построил Воспитательный дом, в который принимали незаконнорожденных младенцев-подкидышей, заложил Нескучный сад и порой снабжал саму императрицу Екатерину Великую деньгами. И вот поди ж ты – полюбил барин безродного недоросля Петьку, поверил в его талант, называл его Богом данным, и всем приходилось с этим мириться. Покорил маленький Петька сердце самодура и самородка. Когда тот собрался ехать в Петербург, Прокопий Акинфович ему говорил:

– Не пойму, откуда у тебя чернота? Мы-то староверы, а ты кто? Знать, к православной вере примешалась какая другая. Ну да ладно! Все люди – люди. Хочу я тебе кое-что сказать на прощанье. Знай: душу свою да совесть надобно беречь. Руки-ноги переломашь – срastутся, а душу переломашь – не сживется. Так что живи по совести. А не то – смотри! –

встречу на том свете – не спущу!.. Бойся только знаешь чего? – денег и женщин. Запомни!

Петр погрузил свой нехитрый скарб в кибитку, простился с Демидовым, и скоро уже весело бежали лошади, неся то-ропливую тройку по Санкт-Петербургской дороге. В памяти его вставали столичные знакомцы: шумный Капнист, насмешливый Львов и милый Иван Хемницер. Вспоминал ссору с хозяином петербургской квартиры, зловещие звуки его возмущенной скрипки. Какие злые силы поднимались со дна души этого немца? И что он за злодей?

Приблизившись к Петербургской заставе, Петр задумался: ехать ли ему на Васильевский остров, в прежний дом, или поискать новую квартиру? Но решил все же ехать в прежнее жилье. Встретили его так, будто и не было ссоры, от немца он услышал обычное ворчание:

– Доннерветтер, Пиотр! Шёрт возьми, приехал – когда надо! Зер гут! Работа много, будешь работат?

Немец получил заказ собрать бригаду потолочников, расписывать потолки в загородном царском дворце великого князя Павла Петровича.

– Много работ – много денег... Сирая краска, сирая потолок... Рисунки – греческая мифология... Лестница высокий, голова кругом, а ты – юнге, зер гут!

В сером камзоле, худой, он ходил по комнате, потирая руки, седые волосы его развевались, он был похож на помешанного.

Каково было удивление Пети, когда следующим, воскресным утром (он только встал с постели) увидел он, что у ворот их дома остановился экипаж и из него вышел, направляясь к двери... Василий Васильевич Капнист.

– Здесь живет мастер-гравер?

Прошел в дом, и до Петра сквозь перегородку донесся разговор:

– Просьба друга: сделай шкафчик, дамский... На две стороны дверцы, и на каждой рисунок, вот этот...

Еще большее удивление испытал московский гость, когда увидел рисунки для того шкафчика. На одном он не без труда узнал Хемницера, то был его портрет, но какой! – преувеличенно толстогубый, преувеличенно курносый. На другом рисунке – девица, убегаящая от сего означенного курносого образа, вернее образины. Присмотревшись, Петя узнал... Машу Дьякову. Что бы это значило, к чему?

Три сестры

Их звали Мария, Александра и Дарья. Три сестры, три дочери петербургского обер-прокурора Алексея Афанасьевича Дьякова. Не знал Петя, что таким способом, уезжая в Тверь, Львов решил «пошутить». Хотел выместить свою ревность: пусть его невеста, открыв шкафчик, посмеется над неудачливым соперником; смех – лучшее противоядие амурным чувствам. Оказывается, Капнист должен был вручить тот шкаф-

чик Маше. Но – удивительно – Маша стала так ласкова с Хемницером, что он растаял от полноты чувств и тут же сделал ей предложение!

Шкафчик же Мария Алексеевна велела забросить на чердак, так, чтобы никто его не видел. Может быть, после того она встретила вернувшегося из Твери Львова грозными упреками? Ничуть не бывало! Тем более что Львов, как обнаружилось из чувствительной их беседы, всю дорогу терзаем был раскаянием и сожалением.

Разлука лишь усилила любовь, и, естественно, снова зашла речь о «камне преткновения» – об ее отце Алексее Афанасьевиче. Машенька уже отвергла нескольких женихов, отец и матушка гневались, а время, по своему обыкновению, не просто текло, а, можно сказать, бежало, Маше – увы! – было далеко за двадцать.

И вновь Николай Александрович направил свои стопы к суровому обер-прокурору. И выпалил со свойственной ему прямоотой:

– Мы с Машей любим друг друга, наши чувства совпали, позвольте еще раз просить руки вашей дочери.

– Только с моими чувствованиями они не совпали, – пробурчал тот. – Сказывай, что поделываешь, чем живешь?

– За прошедшее время я получил повышение по службе... Сделал немало новых архитектурных проектов в Тверской губернии, – с достоинством отвечал жених.

Львов мог бы сказать о том, что прошел курс лекций в

Академии наук, что знает несколько языков, что сочинил музыкальную «Кантату на три голоса» и целую оперу, что в архитектурных проектах не повторяет чьи-то хвосты, а разрабатывает свой собственный, русский стиль. Но, как умный человек, Львов думал, что и другие не глупы и должны понимать, – и он молчал, не без горделивости глядя куда-то в потолок. А может быть, в его взоре читались слова из басни Хемницера: «Глупец – глупец, хоть будь в парче он золотой. А кто умен – умен в рогоже и простой».

Вспомнив, что Дьяков в прошлый раз ставил в упрек переводы Вольтера, добавил:

– Не только состояние мое увеличилось, но и... я не перевожу более Вольтера.

– Все едино, как был ты вертопрах, так и остался! – рявкнул тайный советник, и Львов выскочил из комнаты, словно ужаленный. Здесь столкнулся с Машенькой, которая в волнении ждала окончания разговора.

В ту ночь Маша заливалась слезами, и душа ее разрывалась от любви к милому Львовиньке!..

Что хорошо было в прежней российской жизни, так это свыше определенный порядок; перемены были не внезапны, а ожидаемы: на Рождество и на Пасху устраивались балы, на мясоед играли свадьбы, в летние месяцы трудились на земле, осенью охотились, заготавливали впрок.

И в один из рождественских дней в Петербурге назначе-

но было обручение Василия Капниста с Сашенькой Дьяковой. «Васька-смелый» времени не тянул: с первого взгляда влюбился в Сашу, был обласкан и тут же сделал предложение. Алексей Афанасьевич Дьяков не препятствовал, ибо у жениха были не только имения в богатой Малороссии, но и родовой дом «на Аглицкой» в столице.

Совсем иное дело – Львов: и служба незавидная, и родители – мелкопоместные дворяне, и всего одно имение в Тверской губернии. Разве пара он одной из пяти дочерей грозного обер-прокурора Дьякова? Ситуация, можно сказать, шекспировская, Монтекки и Капулетти. К счастью, герои этой истории – Ромео и Джульетта «северного, русского разлива». Там – месть соседей, здесь – разные ступени социальной лестницы. Там – девочка-итальянка, здесь совсем иное – двадцатилетняя девица. Красавица с лучистыми глазами, умница, обладавшая голосом, способным взлетать от волшебного пиано к сильным высоким нотам, была к быстротечности чувств ничуть не склонна. Любовь ее разгоралась медленно, но пламенела все сильнее, женихов отвергала одного за другим. Подруги и сестры уже называли ее старой девой, свет осуждал, и никто не знал, что не только в ее сердце навеки поселился Львовинька, но и в ближайшие дни назначено у них тайное венчание.

Удалая голова, насмешник и остролов, избранник ее, как ни странно, не отличался пылкой смелостью в любви. Да и как тот нравоучительный век перенес бы излишнюю сме-

лость? Утешения жених искал в разумных, разнообразных занятиях. Наука, искусство, архитектура, инженерное дело, музыка, поэзия – все занимало его, Львова уже называли энциклопедистом. Он же, возможно, убеждал себя, что неудовлетворенная любовь тоже есть источник знаний.

Однако известно, что нет ничего мудрее судьбы, и у Львова нашелся смелый друг Василий Капнист, решительный и благородный, как Меркуцио у Ромео. «Я помогу вам тайно обвенчаться, я уже все обдумал! На Рождество!»

Машенька согласилась на негласное венчание, она была счастлива... И сразу две пары обвенчает в ту ночь священник на Галерной: Капниста с невестой Сашей и Львова... Через несколько лет Дашенька выйдет замуж за Гаврилу Романовича Державина, еще одного большого друга Николая Львова.

В том венчании на Галерной принял участие и Петя: он был кучером. Вернулся поздно и, конечно, долго не мог заснуть. И все вспоминался ему тот шкафчик с несчастным Хемницером. А под утро он проснулся от диких заунывных звуков за стеной. Ох, опять этот немец-гравер со своей скрипкой? Что за чудовищные, злые силы владеют человеком, какие кошмары поднимаются со дна темной его души? «Нет, – решил Петр, – не стану я более квартировать в этом доме!» Бедный Иван Иванович, баснописец, только бы не увидал он того шкафчика. Впрочем, кажется, государыня

хочет послать его за границу, никак в Турцию.

Маша Дьякова – сестре Саше

Несколькими месяцами ранее Маша писала своей сестре вот такие письма:

«Августа 10 дня 1777 г.

Душенька моя сестрица! Спешу описать тебе новости нашей жизни. Случилось, наконец, долгожданное: вернулись из-за границы наши путешественники Соймонов Михаил Федорович с Хемницером и Львовым! Рассказов было, бесед – на три вечера! Хемницер записывал все в дневник наблюдений, а Львов зарисовывал механизмы, чертил фонтаны, парковую архитектуру. Побывали они в Голландии, где лечился Соймонов (за его счет и ездили), в Париже, Версале, видели “Комеди Франсез”, слушали итальянскую оперу.

*Опишу тебе забавную историю с И. И. Х. Хемницер обо-
жает Руссо Жан Жака, все мечтал с ним познакомиться и
так досаждал Николаю Ал., что тот не выдержал (“Мне
покою не было, что, живучи с ним в одной комнате, не видал
Жанжаса”) и, встретив учителя графа Строганова, ска-
зал, что это и есть Жанжас. Близорукий Хемницер поверил,
а мой проказник только здесь, в России, признался в обмане.*

*Ах, Сашенька, знала бы ты, как трепетало мое сердце и
даже наворачивались слезы на глаза, когда Львовинька при-
знался мне, что все путешествие твердил: “Мне несносен це-*

лый свет – Машеньки со мною нет”. И еще:

Воздух кажется светлее,
Все милее в тех местах,
Вид живее на цветах,
Пенье птичек веселее
И приятней шум дождя
Там, где Машенька моя...

Какое счастье было смотреть на его быстро шевелящиеся губы, на лицо, полное огня, на жестикуляцию. Он привез новые драмы, ноты, но и я не осталась в долгу: без него выучила арию из оперы Сальери “Армида”, спела ему – восторгам не было конца. И немало книг без него прочитала, особенно французских. Возле камина у нас зашла “умная беседа”, и я не отставала. Спросила: “Какое главное отличие русских от тех, кто живет за границей?” Он ответил: “Главное отличие в том, что у тех давно общественная, народная жизнь пробудилась...” Тут Капнист добавил: “Достоинство у нас тогда проявится, когда самодержавие, корни его рабские будут вырваны”. Каково? Хорошо, что моего батюшки при том не было: этот Капнист – чистый Пугачев, недаром Львов называет его “Васька Пугачев”. Отчаянная голова!

И опять про французских философов заговорили, про религию. Они, оказывается, атеисты и утверждают: “Наслаждение блаженством единения с Богом ведет к утрате соб-

ственной личности”. Тут я никак не могла утерпеть и прямо спросила Львова: “И вы согласны с ними?” – “Нет, – отвечал он, – по той простой причине, что я сторонник активной, деятельной жизни, верю в культуру и искусство! Им буду служить”.

“Добрая или злая природа человеческая?” – о сем шла речь. Руссо принимает человека за чистый лист бумаги, на котором окружение “наносит свое влияние”. Львов усмехнулся по обыкновению:

– С львиной породой рождается человек, только люди делают его овечкой...

Уж два дня миновало, а у меня еще звучат в ушах голоса их: “Ах, полотно, писанное Рафаэлем! Богоматерь в сокрушенном отчаянии по правую сторону, Мария Магдалина по левую, и лицо совершенно заплаканное!.. А Грёз, Грёз – что за художник, слезы так и наворачиваются на глаза!..”

Да, забыла еще сообщить: Капнист предложил поставить драму Княжнина “Дидона”. Вот смельчак! Княжнин “в высших кругах на подозрении”, его судили, приговорили к “лишению живота”, если бы не Разумовский – несдобровать. Но я, конечно, согласилась играть Дидону – властительницу Карфагена! Мне по нраву сей образ: любящая сильная женщина отвергает трон, союз с нелюбимым человеком. Зимой будем репетировать сию драму, так что скорее приезжай, любезная Сашенька! Впрочем, батюшка и матушка, знаю, не отпустят тебя из усадьбы, пока не грянут холода.

*На сем прощаюсь, милая Саша, и жду ответа.
М.».*

«Сентября 10 дня 1777 г.

Дорогая сестрица Сашенька! Вот опять тебя увезли, а я тут осталась. Села я за стол, чтобы описать тебе вчерашний день. Ты меня, как никто, поймешь – ведь и ты, кажется, имеешь амурные отношения с одним человеком, который явился к нам из Украйны (молчу, молчу!).

Итак, вчера мы с Львовинькой встретились на Островах. Было еще светло, красочные лучи солнца устремлялись за горизонты. Знаешь ли ты, что с человеком, любезным твоему сердцу, те лучи еще красочнее! Мы глядели на рощу, на сосны, березы и мысленно беседовали с природой. Радость, кроткое чувство заполняли мое сердце, но... все же пурпурные последние лучи солнца навевали настроение скоротечности жизни. Все располагало наши души к размышлениям, и я с наслаждением слушала его умные речи.

Ах, Сашенька, если б ты видела, каким было его лицо в те минуты! – оно подобно было рокоту волн... А потом Николай Александрович обнял меня, прижал к себе руку мою, и я чуть не потеряла сознание. Трепетала, как птичка, и не могла вымолвить ни слова...

Но – увы! – не дано нам свободно предаваться счастливым мгновениям, и тут встала опять меж нами стена: оттого, что заговорил он о будущем нашем.

– Машенька, – говорит, – душа моя, только с тобой могу

я повязать свою жизнь, а если не отдаст твой отец за меня – так или в монастырь уйду, или жизнь порешу.

– Что ты, – говорю, – Львовинька, желанный мой, да разве можно такое говорить? Ведь и мне без тебя жизни нет!.. Смилостивится когда-нибудь батюшка.

*– Когда же? Нет сил ожидать... Богатство твое – по-
меха, и не надо мне того богатства! Любовь – лучшее из
богатств!.. Ах, как несправедливо устроен мир! – верно го-
ворят философы.*

*– Уж не знаю, что говорят твои философы, – сказала
я ему, – только и мне батюшкиного богатства не надобно,
ежели нет тебя со мною рядом. Четыре раза просил ты ру-
ки моей, а все нет и нет – один ответ. Не терзай мою душу,
лучше пожалей бедную свою Машу.*

– Скажи: любишь ли ты меня? – спросил он.

*– И рада бы, – говорю, – не любить, да твой пригожий
вид, ясный ум да сердце привораживают меня.*

Львовинька закручинился и вдруг вскричал:

*– Сколько так длиться может?.. Увезу тебя, тайно об-
венчаемся – и все!..*

*Тут он крепче обнял меня и стал миловать, приголубли-
вать, а я не противилась. Щеки мои подобны были пурпур-
ным лучам заката.*

*Потом сели мы на поваленное дерево; я спросила отче-
го-то про детские годы его: знаю, мол, я тебя в настоящем
времени, а каков ты был ранее? Оказалось, что батюшка и*

матушка его в детстве думали: не сносить ему головы – такой был удалой! Однако когда он один оставался, то сильная задумчивость на него находила и так остро чувствовал он печали и горести!

– Взгляни, – говорит, – на беспечных птичек, которые с веселым писком вьются над нашими головами, но стоит забушевать холодам, как голоса их умолкают. Так и я... когда уезжаю, ни на минуту не перестаю о тебе думать, а ты – в свете, кавалеры вокруг вьются, и этот Хемницер...

Какой умный человек, а ревнует – и к кому! К Хемницеру, он очень мил, умен, но...

Солнце закатилось, кругом потемнело. И с печалью в сердце мы отправились домой.

Вот, Сашенька, что хотела я тебе описать, а ждать, когда вернешься ты из усадьбы, не было терпения.

Твоя М.».

«Сентября 26 дня 1777 г.

Дорогая Сашенька! Писала я тебе о любви нашей с Львовинькой, только теперь я обижена на него. Подумай-ка, недавно вернулся из Москвы, а доходит до меня слух, что едет к себе в имение, в Тверь. Господи Боже, а как же я? Увидела его у Бакуниных и спрашиваю: “Правда ли сие?” Не глядя в глаза и разрывая сердце мое на части, отвечает: “Да, я еду. Ежели батюшка ваш желает, чтобы был я богат, значит, не могу я хозяйство без надзора оставить”.

Я пожала плечами и отошла к камину, где сидел Хемни-

цер и твой весельчак Капнист...

Хотя у Ивана Ивановича вечно спущены чулки, а губы надуты, как у пятилетнего ребенка, все же он забавен, простодушен, и я все готова ему простить. Сколько стихов посвятил Львову, как восхищается им, а тот сие будто не замечает. Он не прочь и посмеяться над бедным Иваном Ивановичем. Неужто все оттого, что тот влюблен в меня? Это всем видно, только сам Хемницер, как страус, думает, что никто не догадывается...

Капнист вчера попросил баснописца прочитать новые вириши, тот покраснел, долго мялся, пуговицы на сюртуке неправильно застегнул... Совсем не умея притворяться, уставил взор свой на меня и стал читать. Только глухой не понял бы, что предназначались стихи мне. Не знаю отчего, я покраснела – и сие глупое обстоятельство вызвало, кажется, опять недовольство Львовиньки. А вириши были такие:

В печали я, душа моя,
Что не с тобой
Любезный твой.
Соснул я раз,
И в тот же час
Эрот во сне
Явился мне.
Сказав: “Пойдем,

И мы найдем
Что ты искал,
По ком вздыхал”.
Я с ним пошел
И чуть успел
Тебя обнять,
Поцеловать,
И – сон пропал.
Ах! Все бы спал!

Николай Александрович закурил трубку и удалился в угол. Капнист же еще просил почитать Ивана Ивановича. И тот с невиданной страстью прочитал:

Вынь сердце, зри, как то страдает
И как горит любовью кровь.
Весь дух мой в скорби унывает,
И смерть вещает мне любовь...

И тут же с замиранием сердца обратил свой взор к Львову:

– Тебе понравилось мое стихотворение?

– Понравилось ли мне твое стихотворение – сие неважно, спроси у Марьи Алексеевны: понравилось ли ей?

А что же я? Будто кто меня толкнул! Не испугавшись его грозного взора, я громко объявила, что оба стихотворения хороши. Лицо И.И. запылало, нос, кажется, сделался еще курносее, толстые губы выпятились, и он запустил

пятерню в копну завитых волос. Я подошла к нему, чтобы ободрить, и тронула рукой, сказав: “Спасибо!”

Что мною двигало? Желание насолить Львовиньке? Ведь он не послушал меня и твердо объявил мне, что едет в Тверь. С недобрým лицом он все ходил по комнате и повторял. “Вынь сердце, зри, как то страдает и как горит любовью кровь...” А сколько злой насмешки было в его чудном голосе! А потом, потом... Заиграла музыка, начались танцы, и он прошептал мне в ухо: “Я вижу, вас задевает его чувство гораздо более моего – так я оставляю вам его портрет! Чтоб вы всегда на него глядели!”

Я обернулась, хотела спросить, что сие означает, однако была очередь танцевать с Капнистом, и я вынуждена была приседать и кланяться в контрдансе. А Львовинька? Он убежал! Господи, помоги мне перетерпеть его ревность, а его – надоумь не заниматься глупостями. Скорее бы уж нас тайно обвенчали!

Прощай, дорогая Сашенька.

Твоя Маша».

Все эти письма она повторила второй своей сестре – Даше. «Как же я не напишу своей любимой Дашеньке?» И она взяла большой лист бумаги и приготовилась писать.

Пока отцы и деды танцевали на противоположной стороне Невы, на Галерной улице в церкви тайно венчали Нико-

лая Львова с его любимой Машенькой. Может быть, читатель удивится: разве такое могло быть в XVIII веке? А вот представьте себе, что так и было! Львов был из небогатого дворянского рода, а отец Машеньки, сенатор, категорически возражал против этого брака. Но не таков был Львов, это был человек смелый, всесторонне талантливый, он и художник, он и архитектор, он и теоретик музыки, и инженер, сочинитель. Именно он первым собрал русские народные песни и издал их отдельной книжечкой. Его любимая женушка, Маша, обнимала его и восхищалась: «Ты у нас как настоящий Петр I, только роста небольшого! Тот был на все руки мастер, и все вокруг него крутилось и крутилось. И ты у нас такой же, Львовинька!» Так что пришлось этому Львовиньке снять квартиру, в которой они с Машей встречались в определенные часы и дни. И как долго это продолжалось? Представьте себе, целых шесть лет! Наконец в семье Машеньки узнали, что сама Екатерина хвалила Львова за его путешествие по югу России, за два его дворца Ростопчина и особенно за «Маленький рай», как называли большую усадьбу в поселке Знаменское, неподалеку от Твери. Вот только тогда были разрешены официальное венчание и свадьба. Маше казалось, что все ее подруги и даже родственницы – все влюблены в ее Николеньку и постоянно писали в своих письмах о нем.

Любовь и призвание

Оставалось жить Николаю Александровичу чуть менее двадцати лет. Первая половина прошла в устройении семейной жизни, деревня Черенчицы теперь уже называлась Никольское, и в ней был построен дом для Машеньки, которая руководила всем. Можно сказать, счастливые годы. За это время он успел сделать так много, что невозможно перечислить. Об этом написано несколько книг и огромное количество статей.

К сожалению, судьба даже к таким талантливым и одаренным людям, унаследовавшим сильные гены, бывает довольно жестока. Случилось так, что Львов сначала увлекся. Зная о лесном богатстве России, как жгут деревья, бесконтрольно вырубая леса, из добрых побуждений он решил попробовать строить дома из глины. Опять же, думая о потере лесов в стране, нашел богатейшие залежи угля. Привез к берегу Невы, и получилась гора высотой в два этажа. Но наступило такое жаркое лето, то начинались дожди, то нещадно жарило солнце. И в этой горе началось самовозгорание. К тому же ветер дул в сторону столицы. И воздух наполнился этой гарью вплоть до самого Петербурга. Узнали, что это дело рук Львова, и любимец города, насмешливый, остроумный, музыкальный, красивый Николай Александрович превратился в ненавистного виновника несчастья. Проклятия на него сы-

пались со всех сторон, он не мог бывать в Петербурге не из-за копоты и дыма, а именно из-за этих проклятий. И на этой почве заболел. Вся семья страдала. У старшей дочери началась горячка. Только через год или два Львов и вся семья немножко успокоились. Но, к счастью, друзья его не бросали. Капнист звал его к себе на Украину, Державин приглашал в свое имение, Бортнянский обращался к нему с просьбой починить и настроить разные музыкальные инструменты. И Львову все это удавалось. Любимым делом все равно оставалась архитектура. В самом конце века он построил Наугольный дом на Воздвиженке и очень спешил со строительством дворца для возлюбленной Павла I и его самого. Павел Петрович только что был коронован. Читатель, наверное, помнит, что на коронации Павел влюбился в Анну Лопухину и именно этот дом на берегу Москвы-реки стал приютом любви. На окраине Звенигорода, на высоком берегу Львов построил усадьбу Введенское, которое стало приютом последней любви императора Павла Петровича.

Конечно, в Торжке, на своей родине, он построил несколько храмов. Он построил погреб в виде пирамиды, сориентированной по сторонам горизонта, в котором ничего не портилось. И еще много сооружений, невероятно передовых для своего времени, невиданных ранее.

У Николая Александровича был абсолютный слух, и вдвоем с Машенькой они устраивали представления и в Твери, и в Торжке – Митино, Василево, Прямухино, Грузины. Львов

поставил себе новую задачу: собрать сборник хоровых песен России. Это снова путешествие. Первый сборник русских народных песен создал именно Львов. Им пользуются до сих пор. От музыки до поэзии не просто один шаг, они едины. Он писал стихи сам. Любил обращаться и к греческим и римским стихам, делая их переводы.

Перевел на русский язык трактат итальянского зодчего Андреа Палладио 1616 года с венецианского подлинника. Сопровождал Екатерину II в ее поездке в Крым, написал оперу с народными хорами «Ямщики на подставе». Издал сборник русских народных песен «Собрание песен с их голосами», то есть с нотами.

Перестроил дом для своего друга – поэта Державина на набережной Фонтанки, 118, по его просьбе, обращенной к Львову в стихах:

Зодчий Аттики преславный,
Мне построй покойный дом...
На берегу реки Фонтанки...

Впервые в мире Львов применил машину с паровым приводом в бумажной промышленности. Написал большой труд по ботанике в стихах «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792, мая 8». Справедливо замечает, что «большая часть латинских ботанических наименований кончается на us и um»:

Для вас бы скучный был тот шум,
Как с корня бы латынь копали
И каждой травке прибавляли
Великолепно ус и ум.

Издавал так называемую «Львовскую летопись», найденную им в Суздале, – важнейший труд древнерусской словесности. Пушкин заимствовал сюжет «Песни о вещем Олеге» из «Львовской летописи», хранившейся в его библиотеке.

Дом-усадьба Г. Р. Державина

Львова назначают начальником всех угольных разработок России, он изобретает землебитное строительство из чистой земли, без всяких примесей, открывает школу землебитного

строительства.

Первым переводит и издает стихи древнегреческого поэта Анакреона, воспевавшего любовь и радости жизни. Позднее к одам Анакреона обратился и Пушкин. Перевод Львова был не очень умел, но Пушкин благодаря Львову узнал эти стихи. Он, конечно, читал эти переводы, тема и настроение были ему очень близки, и он придал этим одам блистательную форму. Вот перевод Львова и следом перевод уже Пушкина:

На бедре, прижженном сталью,
Знают лошадь по тавру,
А парфянина по шапке.
Я ж влюбленного тотчас
По сердечной легкой метке
И за взгляд могу узнать.

Н. А. Львов

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;

Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслажденья знак нескромный.

А. С. Пушкин

Немного позже Львов написал такие стихи:

Зачем? Да мне зачем метаться?
Мне – шаркать, гнутья и ломаться!..
Лишь был бы я здоров и волен.
Я всем богат и всем доволен.
Меня всем Бог благословил:
Женил и дал мне все благое.
Я счастье прочное, прямое
В себе иль дома находил
И с ним расстаться не намерен!

Не хочется обращаться к теме смерти человека, который столько сделал для России и прожил всего чуть более полувека. Болезнь от него не отступала, но Львов и тут не сдавался. Он слышал от какого-то мудреца, что голодание помогает в самых сложных случаях, и через несколько месяцев он уже лежал на своей постели исхудавший, похожий на скелет. Мария Алексеевна сбивалась с ног, дети плакали, однако прошел еще месяц – и Львов поднялся. Он уже мог полулежать в постели и даже перемещаться в карете. В доме к этому времени при огромном количестве забот, которые свалились на жену Львова, она пригласила двух воспитанниц, которые помогали ей в хозяйстве. Им было лет по пятнадцать-шестнадцать. И они были так прелестны, что художник, бывавший

в доме, решил сделать двойной портрет этих девочек. Одна темноволосая, с яркими карими глазами, вторая с русыми локонами и светлыми глазами.

– Машенька, – сказал Львов, – я все-таки хочу поехать на Кавказ. С собой возьму этих двух девочек, они уже всему у тебя научились.

Пусть красота окружает человека до последнего мгновения. Он написал в Академию наук с просьбой выслать ему еще помощников, чтобы помогли обследовать Северный Кавказ, источники минеральных вод. Он мечтал посетить Тамань, потому что был уверен, что именно там было царство, которое в летописях называли Тмутаракань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.